

УДК 811.511.152'367

Л.П. Водясова

Типы речевых произведений в прозе К.Г. Абрамова

Аннотация. В статье рассматриваются типы речевых произведений в прозе К.Г. Абрамова, отмечается, что они могут развертываться в монологическом и диалогическом (полилогическом) планах. Основными единицами монологической речи являются сложное синтаксическое целое, линейно-синтаксическая цепь, паратаксис и изолированное одиночное (свободное) предложение. Основная единица диалогической речи квалифицируется как диалогическое единство.

Ключевые слова: речь, типы речи, монолог, диалог.

L.P. Vodyasova

Types of speech compositions in the prose of K.G. Abramov

Summary. The article describes the types of speech compositions in the prose of K.G. Abramov, notes, that they can be deployed in monologic and in dialogic (polylogical) plans. The basic units of monologic speech are the complex syntactic integer, linearly-syntactic chain, parataxis and isolated single (free) sentence, the basic unit of dialogic speech is dialogic unity.

Keywords: speech, speech types, monologue, dialogue.

Обращение к языку произведений К.Г. Абрамова, одного из наиболее ярких современных писателей Мордовии, продиктовано значимостью его творчества, отличающегося многогранностью и полифункциональностью, что проявилось как в правдивом изображении жизни, создании глубоких национальных характеров, так и в яркости, оригинальности художественных форм и приемов. Писатель с благоговением относился к родному эрзянскому языку, считал его неисчерпаемо богатым, открывающим неограниченные возможности его художественного использования. Его произведения отличаются богатством изобразительно-выразительных средств, которые помогают раскрыть глубинные образы героев, рассказать об их взаимоотношениях, раскрыть уклад жизни, нарисовать прекрасные картины природы.

В.В. Виноградов утверждал, что «речь художественных произведений складывается из разных типов монолога и диалога, из смешения многообразных форм устной и письменной речи». Исследователь ставил задачи изучения «конструирования типов художественной

прозы за пределами бытового языкового материала», уяснения «принципов сочетания разных форм речи в пределах монологических конструкций и принципов включения в них диалога» [1].

Как известно, монологической является речь, в организации которой принимает участие один человек, говорящий или пишущий (коллектив авторов также выступает как одно лицо). Она обладает такими свойствами, как логическая расчлененность, последовательность в изложении, отбор наиболее подходящего в данном конкретном случае лексического материала и грамматических форм для выражения необходимого содержания и т.д. Эта форма речи не предполагает обмена репликами, собеседник как бы отдален: он не участник речи, а лишь ее реципиент.

Монологическое высказывание в прозе К.Г. Абрамова состоит из разных синтаксических единиц. Самой крупной и самой распространенной из них является сложное синтаксическое целое (ССЦ).

Сложное синтаксическое целое (ССЦ) как единица речи вычленяется из текста семанти-

чески и формально и представляет собой некий структурированный комплекс. Ряд предложений, входящих в его состав, «может быть замкнут формально, однако число составляющих его компонентов заранее не определяется и зависит от смыслового объема высказывания, количества включенных деталей, ассоциативных связей и т.п.» [2, 8]. Компоненты ССЦ связаны единством смыслового содержания всего высказывания, частными семантическими связями и формальными языковыми средствами – лексическими и грамматическими скрепами: Вирень покш кужо. Кужонть кунш-касо колмо сыре пекшетъ. Вельть эчкть, сюрдовт-сярдовт. Алце тарадост венствастъ эрва пелев келей латокс. Пекшетнень ало лисьма-пря. Ведезэ ванькс, пачканзо неявить ашо кевнеть ды туюа човарнэ. Те кужось – колмо раськень ознома тарка – Обранонь, Лемесень ды Инюшень. Неть колмо раськетне эрва ие Ине чистэ тезэнь вастневить озксонь ютавтомо. Течи тей састь церат, ават, эйкакшт, састь весе, кинь якить пильгензэ, кинень кирдеви рунгозо [3, 50]. «Большая лесная поляна. В центре поляны три старые липы. Весьма толстые, сучковатые. Их нижние ветки раскинулись во все стороны в виде широкой крыши. Под липами родник. Вода его чиста, сквозь нее видны белые камешки и желтый песочек. Эта поляна – молебное место трех родов – Обрана, Лемеса и Инюша. Эти три рода каждый год в Великий день встречаются здесь для проведения молебна. Сегодня сюда пришли мужчины, женщины, дети, пришли все, у кого ходят ноги, кто может держать тело». Семантическая спаянность этих предложений, образующих ССЦ, характеризуется единством мысли, высказывания. Их грамматическая консолидация проявляется в том, что соединяются они между собой с помощью специальных языковых средств, в частности: второе предложение связано с первым с помощью лексического повтора (кужо «поляна» – кужонть «поляны» (генитив); третье предложение связано со вторым отсутствием в нем структурно необходимых членов предложения, легко восстанавливаемых из контекста (опущено подлежащее

пекшетне «липы»); четвертое предложение связано со вторым с помощью лично-притяжательного суффикса существительных -ст, обозначающего принадлежность предметов третьему лицу множественного числа; пятое предложение связано также со вторым, соединение осуществляется с помощью лексического повтора (пекшетъ «липы» – пекшетнень ало «под липами»); шестое предложение связано с пятым с помощью лично-притяжательного суффикса существительных -зэ, обозначающего принадлежность предмета третьему лицу единственного числа; седьмое предложение связано с первым с помощью лексического повтора (кужонть «поляна» – кужось «поляна (эта)», причем во втором случае лексический повтор распространен указательным местоимением единственного числа те «этот, эта, это»; восьмое предложение связано с седьмым также с помощью лексического повтора (колмо раськень «трех родов» – колмо раськетне «три рода» (указательное склонение), во втором случае лексический повтор также распространен (употреблено указательное местоимение множественного числа неть «эти») и, наконец, последнее предложение, имеющее итоговое значение, связано с предыдущим с помощью наречия течи «сегодня».

Следующая единица монологического текста, которая вычленяется в прозаических произведениях К.Г. Абрамова, – линейно-синтаксическая цепь. Ее отличие заключается в том, что если ССЦ существует в пределах одного речевого типа, то линейно-синтаксические цепи состоят из предложений, относящихся к разным речевым типам [4, 23; 5, 39; 6, 109; 7, 95–100]: Марюша кавто чить эзь яка роботамо. Кавто чить пизи пиземе. Ней роботаськак – модамарень таргамо. Пизементь марто аламот кить якить, молитыкак, бути ансяк обедс. Тонавтниция эйкакштне лиснить эрва чистэ. Сынст пельдеяк лезэсь а пек ламо. Ертнитьтеить, начкить ды кудов [8, 22] «Марюша два дня не ходила на работу. Два дня идет дождь. Да и работа теперь – уборка картофеля. Из-за дождя мало кто ходит на работу, и пойдут, если только до обеда. Ученики (букв.: учащиеся

дети) выходят каждый день. От них толку тоже немного. Накидаются, намокнут и до-мой». Перед нами контаминированный текст. Все предложения приведенного отрывка тесно взаимосвязаны и по смыслу, и специальными соединительными средствами. Однако относятся они не к одному, а к разным типам речи – повествованию и рассуждению. Поэтому данный компонент текста квалифицировать как сложное синтаксическое целое не представляется возможным. В отличие от сложного синтаксического целого (ССЦ), линейно-синтаксическая цепь – менее распространенная единица текста. Однако следует отметить, что эти текстовые образования находятся в функциональной и генетической близости. Об этом, прежде всего, свидетельствует то, что их структурно-семантические разновидности почти полностью совпадают.

Такая структурная единица текста, как паратакис, не часто встречается в произведениях К.Г. Абрамова. Паратакис представляет собой такие сочетания предложений, семантическая и грамматическая связь которых размыта и эксплицитно или имплицитно не выражена. Большинство предложений, входящих в подобные соединения, не располагают полным грамматическим оформлением. Своеобразна и их пунктуация, изобилующая восклицательными предложениями и/или многоточиями. Паратакис обычно воспроизводит устный тип речи, отличающийся особой эмоциональностью: Чарькодинь, оя, тоньгак сельметь прасть лангозонзо! Вельть паро!.. Тон кортат Олдадо! Ансяк цюр: ваноманть вант – лиядо мездеяк иля арсе! Те тейтересь карми улеме монь! [9, 145] «Понял, друг, и ты бросил глаз на нее! Очень хороша!.. Ты говоришь об Олде (Евдокии)! Только чур: смотреть смотри – о другом ничего не думай! Эта девушка будет моей»; <...> паряк, хоть сермине сермадовлить <...> а то эдь монень сермадомскак о ков <...> Ялгатне сермадыть, монень а ков <...> Паряк, тоньскак кучат <...> Содат, кодамо стака войнасо, бути тонеть а кинь пельде учомс куля <...> [10, 55] «<...> может быть, хоть письмецо написала бы <...> а то ведь мне и написать некуда

<...> Друзья пишут, а мне некуда <...> Может, и сама пришлешь <...> Знаешь, как тяжело на войне, если тебе неоткуда ждать вестей <...>».

Кроме групп взаимосвязанных предложений, в структуре текста К.Г. Абрамова встречаются отдельные самостоятельные предложения, простые или сложные. В лингвистике текста их принято называть изолированными («свободными») предложениями [4, 24; 5, 41; 6, 111; 11, 16–25; 12, 14; 13, 9 и др.]: Пакся китнень чирева сексня синтризь весе нартемкстнэнь. Синтризь аволь тенстекс – уштомс. Якасть Иваж марто Фиматкак, кандеть кавто сьулмот. Бути пенгеть ды олгот арасть, нартемксэ а уштат. Неть кавто сьулмотнесэ эзь пидеве модамарь чугунгак [14, 109] «На обочинах полевых дорог осенью обломали всю полынь. Обломали не для веников – топить. Ходили и Иваж (Иван) с Фимой, принесли два пучка. Если дров и соломы нет, полынью не натопишь. С этими двумя пучками не смогли сварить и чугуна картофеля»; Кудыкеле каятотсь калдордыця, кортыцясь каштмолезевсь. Совась Елена. Надя сеске эзь варшта аванть лангс, но мейле, зярдон сон кармась пальтонь поведеме, тейтересь неизе – иредьстэ. Елена венстясь поведема тарканть ды кодак эзь венстяво. Анатолий мольсь лездамо. Сын мезть-бути кортасть пейдыкшнезь. Надя эзь маря, сон ютась пирявксонть томбалев ды мольсь чопода вальманть. Эзизе маря, зярдон тусь Анатолий, кона шкасто мадсь авазо. Сон вансь сексень чопода проулканть ды арсесь, кодат берянт улить ломанть. Васоло, ошонь ульцясонть, вальдосто палсть электрической фонарь <...> [15, 244] «В сенях послышался грохочущий [человек], говорящий замолчал. Вошла Елена. Надя сразу не посмотрела на мать, а потом, когда та стала вешать пальто, девушка поняла – пьяная. Елена тянулась к вешалке и никак не могла дотянуться. Анатолий подошел помочь. Они о чем-то разговаривали, посмеиваясь. Надя не слышала, она прошла за перегородку и подошла к темному окну. Не слышала, когда ушел Анатолий, в какое время легла мать. Она смотрела на осенний темный переулочек и думала, какими плохими

бывают люди. Далеко, на главной (букв.: большой) улице города, светло горели электрические фонари <...>». По существу, изолированные одиночные («свободные») предложения содержат в себе различные авторские замечания, отступления, элементы рассуждений. Они не входят в состав группы предложений, но тем не менее связаны с ней внутренними смысловыми отношениями, так как являются связующим звеном между единицами текста, средством обозначения новой микротемы. Кроме того, подобные предложения используются автором для того, чтобы придать высказыванию больше динамичности, эмоциональности, экспрессивности. Обычно это самостоятельные, не зависящие от контекста предложения.

Речевое произведение в прозе К.Г. Абрамова разворачивается не только в монологическом, но и в диалогическом (полилогическом) плане, и komponуется не из грамматически полнооформленных предложений, а из отдельных взаимосвязанных реплик двух или более собеседников. Подобную единицу речетворчества в лингвистике текста принято называть диалогическим единством. Диалогическое единство состоит из двух, реже – трех и более предложений-реплик, тесно связанных между собой семантически и структурно. Основным критерием объединения подобных реплик в единицу текста является единство объекта речи. Смена объекта речи в диалоге (полилоге) служит сигнализатором границы между компонентами текста. Открывает диалогическое единство реплика-стимул, определяющая содержание и форму следующего за ним высказывания. Обычно она представляет собой независимый речевой акт. Ответная реплика – реплика-реакция – соотносится с репликой-стимулом. Очень часто реплики-реакции оформлены как неполные предложения. Универсальным средством связи между ними выступает интонация.

Диалогическую речь отличает непосредственность. Она подразумевает установку на разговорность: широкое использование эмоционально-экспрессивной лексики и синтаксических средств (простых и бессоюзных сложных предложений), наличие просторечий.

У К.Г. Абрамова самыми распространенными являются вопросно-ответные диалогические единства:

Боляй зярсыя чатьмонсь, мейле таго пшкадсь:

– Мезе эно эрси тееме: стясь инязоронтъ каршо?

– Арси максомо ломантненень оля [16, 17]
«Боляй какое-то время молчал, потом снова промолвил:

– Что же собирается делать: встал против царя?

– Думает дать людям волю».

Спецификой диалогических единств К.Г. Абрамова является то, что ответ часто оформляется также в виде вопроса:

1. – Шумбрасто пачкодить, церам? – пшкадсь сон [Боляй] Акайнень.

– Мезе монь мусамам, кода тонсь? [16, 13]

«– Хорошо (букв.: здоровым) добрался, сын [мой]? – сказал он [Боляй] Акаю.

– Что меня найдет, как сам?»;

2. – Хвамелият? – пшкадсь сон [Стропилкин] Ларьканень.

– Пазот марто, Прокоп Мироныч, натъ, а содасак? [9, 289]

«– Хвамелия? – обратился он [Стропилкин] к Ларьке (Иллариону).

– Бог с тобой, Прокоп Мироныч, разве не знаешь?».

В прозе писателя часто встречаются также диалогические единства, в которых вторая реплика продолжает незаконченную первую; единства, в которых реплики связаны одним предметом мысли и представляют собой высказывания по поводу него; единства, в которых второй репликой выражается согласие или несогласие с утверждением, заключенным в первой, и т.д.:

1. – Авай, невтевлиа тонеть ды бабанень тетянь казнень, кодыя черьбулозон.

– Вансынек ванды, чи валдосо неяви седе вадрясто <...> [16, 17]

«– Мама, показала бы тебе и бабушке отцовский подарок, в косу вплегла.

– Посмотрим завтра, при дневном свете лучше видно <...>» (реплики связаны одним предметом мысли);

2. Сон [Дурнов] стясь, саинзе нуртязь стоп-
катнень ды мольсь вакссот столентень.

– Роднят, каванятадызь!

– Пасиба, миненек а эряви, – мерсь кар-
шонзо Канаев [9, 276]

«Он [Дурнов] встал, взял наполненные
стаканы и подошел к рядом стоящему столу.

– Родня, угощаю!

– Спасибо, нам не надо, – возразил Канаев»
(во второй реплике выражается несогласие с
утверждением, заключенным в первой).

3. – Сави тенк учомс вандыс, – мерсь сон
[лесничествасо ванстыцясь] кавто сыцятне-
нень.

– Паро – учотано, – пшкадсь Иван. – Удомс
таркине макст козоньгак ды лишменек туртов
тикшинеть [9, 291]

«– Придется вам подождать до утра, – ска-
зал он [сторож в лесничестве] двум приехав-
шим.

– Хорошо – подождем, – сказал Иван. –
Спать местечко дай где-нибудь да травки [на-
шим] лошадям» (вторая реплика продолжает
незаконченную первую).

Таким образом, в прозе К.Г. Абрамова вы-
деляются различные структурные типы рече-
вых произведений. Все они вносят свой вклад
в процесс коммуникации. В зависимости от ос-
нования квалификации возможно выделение и
других разновидностей единиц. Встречаются
и такие отрывки речевых произведений, в ко-
торых одновременно представлены атрибуты
нескольких вариантов. Это свидетельствует о
том, что структурная единица текста, хотя во
многом и определяется типом, жанром, праг-
матической установкой и многими другими
лингвистическими и экстралингвистическими
факторами, относится к числу нестандартизи-
рованных явлений языка.

Литература

1. Виноградов В.В. О языке художественной прозы [Электронный ресурс] // URL: storiya...vvvinogradov...vvvinogradova.htm (дата обращения: 24.04.2013).
2. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. М.: Наука, 1983. 215 с.
3. Абрамов К.Г. Пургаз: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. 480 с. Мордов.-эрзя яз.
4. Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке: монография / Мор-
дов. гос. пед. ин-т. Саранск, 2000. 155 с.
5. Водясова Л.П. Сложное синтаксическое целое как основная структурная единица текста: на материа-
ле современного эрзянского языка: монография. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 165 с.
6. Зарубина Н.Д. К вопросу о лингвистических единицах текста. М.: Наука, 1979. С. 103–112.
7. Сулимов В.А. К вопросу о моделировании группы предложений // Русский язык за рубежом. 1987.
№ 6. С. 95–100.
8. Абрамов К.Г. Качамо́нь пачк = Сквозь дым: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1964. 556 с. Мор-
дов.-эрзя яз.
9. Абрамов К.Г. Исяк якинъ Найманов = Вчера ходил в Найманы: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во,
1987. 318 с. Мордов.-эрзя яз.
10. Абрамов К.Г. Солдат ды ава = Солдат и женщина: рассказ // Сятко: лит.-худож. и общ.-полит. журн.
2009. № 11. С. 50–55. Мордов.-эрзя яз.
11. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1981. 116 с.
12. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов
пед. вузов. М.: Флинта; Наука, 1998. 172 с.
13. Лунева В.П. Синтаксис связной речи (сложное синтаксическое целое). Пермь, 1982. 88 с.
14. Абрамов К.Г. Эрзянь цера = Сын эрзянский: роман. Кн. 1. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1971. 330 с.
Мордов.-эрзя яз.

15. Абрамов К.Г. Ломантне теевсть малацекс = Люди стали близкими: роман. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1961. 428 с. Мордов.-эрзя яз.
16. Абрамов К.Г. Олячинть кисэ: Степан Разинэнь шкадо евтнема = За волю: сказание о временах Степана Разина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 416 с. Мордов.-эрзя яз.

References

1. Vinogradov V.V. O jazyke hudozhestvennoj prozy [Electronnij resurs] // URL: [storiya... vvvinogradov... vvvinogradova.htm](http://storiya...vvvinogradov...vvvinogradova.htm) (data obraschenija: 24.04.2013).
2. Referovskaja E.A. Lingvisticheskie issledovanija struktury teksta. M.: Nauka, 1983. 215 s.
3. Abramov K.G. Purgaz: roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1988. 480 s. Mordov.-jertzja jaz.
4. Vodyasova L.P. Slozhnoe sintaksicheskoe celoe v sovremennom jertzjanskov jazyke: monografija / Mordov. gos. ped. in-tut. Saransk, 2000. 155 s.
5. Vodyasova L.P. Slozhnoe sintaksicheskoe celoe kak osnovnaja strukturnaja edinica teksta: na material sovremennogo jertzjanskogo jazyka: monografija. LAP LAMBERT Academic Publisching, 2012. 165 s.
6. Zarubina N.D. K voprosy o lingvisticheskikh edinicah teksta. M.: Nauka, 1979. S. 103–112.
7. Sulimov V.A. K voprosy o modelirovanii grupy predlozhenij // Russkij jazyk za rubezhom. 1987. № 6. S. 95–100.
8. Abramov K.G. Skvoz dym: roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1964. 556 s. Mordov.-jertzja jaz.
9. Abramov K.G. Vchera hodil v Najmany: roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1987. 318 s. Mordov.-jertzja jaz.
10. Abramov K.G. Soldat i zhenschina: rasskaz // Sjatko: lit.-hodoch. I obesh.-polit. zhurn. 2009. № 11. S. 50–55. Mordov.-jertzja jaz.
11. Zarubina N.D. Tekst: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty. M.: Russkij jazyk, 1981. 116 s.
12. Ippolitova N.A. Tekst v sisteme obuchenija russkomu jazyku v shkole: ucheb. posobie dlja studentov ped. vuzov. M.: Flinta; Nauka, 1998. 172 s.
13. Luneva V.P. Sintaksis svjaznoj rechi (slozhnoe sintaksicheskoe celoe). Perm, 1982. 88 s.
14. Abramov K.G. Syn jertzjanskij: roman. Kn. 1. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1971. 330 s. Mordov.-jertzja jaz.
15. Abramov K.G. Lyudi stali blizkimi: roman. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1961. 428 s. Mordov.-jertzja jaz.
16. Abramov K.G. Za volju: skazanie o vremenah Stepana Razina. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1989. 416 s. Mordov.-jertzja jaz.